

<https://www.svoboda.org/a/30735711.html>

[Общество](#)

Здоровье как секуляризированная религия. Общество после коронавируса

Защитные маски для свадебной церемонии в одном из магазинов города Диярбакыр в Турции

Профессор социологии Бернд Марин, основатель Европейского бюро по вопросам политики и социальных исследований в Вене, считает, что о кризисе, наступившем с появлением коронавируса, мы все еще не знаем всех подробностей. Тем не менее, уже сейчас можно говорить об изменениях, наступивших в обществе, с которыми нам, вероятно, предстоит жить и в дальнейшем.

Марин с 1983 по 1997 год занимался исследованием эпидемии ВИЧ/СПИДа в шести европейских странах и указывает на некоторые параллели между прошлым и тем, что происходит сейчас. Он также обращает внимание на жертвы, которые люди готовы принести ради сохранения здоровья, а следовательно, жизни.

– В одном из интервью вы усомнились в том, что в ближайшее время появится вакцина против коронавируса, – и вспомнили в этой связи о вирусе иммунодефицита человека, от заражения которым до сих пор не спасает вакцинация. Не могли бы вы объяснить, почему вы так скептически настроены?

– Я не то чтобы скептический, я просто считаю, что нам не нужно полагаться на вакцину, потому что совсем не факт, что ее изобретут, как на это все надеются, в ближайшие полгода-год. Хотелось бы напомнить, что после миллиардов долларов,

которые инвестировали в создание вакцины против ВИЧ/СПИДа, появились лишь эффективные подавляющие активность вируса лекарства, а миллионы людей продолжают умирать каждый год и защиты, какую дает вакцинация, до сих пор нет. Что же касается вируса SARS-CoV-2, то первая эпидемия подобного вируса, SARS, которую волшебным образом удалось ликвидировать к концу 2003 года, – тоже не привела к появлению вакцины против вируса. Сегодня поиск ее насчитывает уже 17 лет. До сих пор безуспешно. Человечеству известно о нескольких коронавирусах, некоторые из них наносят большой вред, некоторые – довольно безобидны. Но после многих лет исследований у нас нет защиты от них посредством вакцины. При этом я надеюсь, что, возможно, на этот раз мы будем более успешными, но не стоит забывать и о том, что было в последние годы. Поэтому заниматься стратегическим планированием, опираясь исключительно на надежду, что у нас очень скоро появится вакцина от коронавируса, кажется мне очень хрупким и даже рискованным занятием. Единственная защита, которая у нас имеется против коронавируса в данный момент, как и сто лет назад, когда свирепствовал испанский грипп, – гигиенические меры (мытьё рук и соблюдение физической дистанции). И против заражения ВИЧ работает только защищенный секс или гигиена при употреблении внутривенных наркотиков.

– Означает ли это, что мы должны привыкнуть, что от коронавируса умирают люди – так же, как они ежегодно умирают от обычного гриппа?

Бернд Марин

– Обычный грипп ежегодно уносит десятки тысяч жизней. Я в данном случае не говорю об "испанке", которая погубила больше людей, чем умерло во время Первой мировой войны, эпидемии гонконгского гриппа в 1968 году, азиатского гриппа в 1958 году или свиного гриппа в 2000-х. Я имею в виду обычный грипп, который мы наблюдаем ежегодно. От него ежегодно умирают [50-60 тысяч человек](#). Мы к этому привыкли. Я приведу пример. В Австрии, где вакцинация от гриппа доступна, она эффективная и недорогая, 92 процента жителей не используют ее. И я тоже был среди них. Еще в прошлом году я не делал прививку от болезни, которая часто приводит к смерти. Я говорю это, чтобы показать: есть много факторов, которые влияют на окончание эпидемии, и даже то, что у нас будет вакцина, не означает, что коронавирус исчезнет.

– При этом пандемия уже сейчас изменила общество. Чего мы можем ожидать в связи с этим в будущем?

– Было бы удивительно, если бы общество не изменилось, потому что его меняют люди. В некоторых областях мы уже сегодня видим эти изменения – и это происходит быстро, в течение нескольких дней или нескольких недель. Притом что изменения происходят в областях, которые на протяжении последних лет не менялись. Взять, к

примеру, работу. Мы много времени обсуждали возможность удаленной работы, я бы даже сказал, что мы были одними из тех, кто предлагал ввести ее. Мы пропагандировали удаленную работу, гибкий рабочий график, диджитализацию, видеоконференции и микроэкономический менеджмент. До начала эпидемии ничего из этого не воспринималось всерьез. Приведу цифры. До недавнего времени удаленную работу выполняли максимум 3 процента трудоустроенных. Сейчас за считанные недели стал модным ярлык "home office" (*работа из дома. – Прим. РС*), и эта цифра выросла до 30 процентов. А в наиболее развитых странах – таких как Великобритания или Швеция, даже до 50–60 процентов всех трудовых ресурсов. Я могу привести и другой пример. Видеоконференция vs бизнес-командировка. Только в приложении Zoom количество видеоконференций увеличилось с 10 миллионов до 300 миллионов – и это цифры за один день. Я не думаю, что эти цифры вернутся к докризисным показателям. Уровень цифровизации будет поддерживаться после внезапного ее роста. Есть много позитивных сигналов. Вопросом остается – где будет точка невозвращения после скачка, произошедшего в области профессиональной коммуникации, или же после наступившего кризиса все вернется на круги своя? Я считаю, что последнего не произойдет. Мне кажется, что многое из того, что использовалось во время режима строгой изоляции, станет новым миром труда. Мы увидим это в ближайшие полгода. Наибольшее влияние обычно оказывает так называемый "эффект восторга", который отменить невозможно. Мы много чего обсуждали в последнее время. Например, четырехдневную рабочую неделю, гибкий рабочий график, отмену необходимости отмечать время прихода на работу и ухода с нее. Все это обсуждается десятилетиями. Это внедрили за несколько недель, и выяснилось, что это по большей части работает.

Женщина читает объявления о работе в Иллинойсе

– Тем не менее, далеко не во всех профессиях можно использовать удаленную работу. И как следствие, происходит рост безработицы, что уже сейчас отражается в

экономической статистике. Будет ли безработица увеличиваться в связи с коронавирусом?

– Ни один из специалистов не способен это предсказать. Я считаю, что многое будет зависеть от наших собственных действий, которые предугадать сложно. С одной стороны, возможно, есть огромный потенциал и шансы на обновление, но в то же время существует риск регрессивных тенденций. Мы действительно не знаем. Массовая безработица сама по себе – одно из самых опасных и долгосрочных последствий кризиса, наступившего из-за коронавируса. Безработица, помимо огромного ущерба, который она наносит обществу, тоже может приводить к потере человеческих жизней. Мы говорили об этом в начале 1990-х на конференции, где присутствовали в том числе министры, ответственные за социальную политику. Там были представлены результаты исследования о том, сколько людей умирает, когда безработица увеличивается на 1 процент, – на примере Соединенных Штатов. И эта цифра в то время равнялась 21 тысяче человек. Эти люди умирали от инфарктов, инсультов, а также убийств (в том числе становились жертвами преступлений) или самоубийств. Если посмотреть на ситуацию в США по прошествии 30 лет, то коронавирус увеличил безработицу с 3,5 процентов в феврале (это почти полная трудоустроенность) [до 17,7 в апреле](#) этого года. Это был самый большой рост безработицы со времен Великой депрессии и в два раза большее падение, чем во время экономического кризиса в 2008 году. Речь идет о более чем 20 миллионах человек. А если посмотреть на промежуток с февраля до середины июня, то потеряно почти 46 миллионов рабочих мест. Если использовать данные, полученные с 1970 по 1990 год, то не прямые жертвы этого положения, то есть жертвы, не связанные с коронавирусным кризисом, – 342 тысячи погибших от непрямого влияния эпидемии, в том числе 2,3 миллиона жертв преступлений и более чем полмиллиона жертв насильственных преступлений, совершенных из-за наступившего кризиса. Но я хотел бы подчеркнуть этими цифрами, что люди не умирают только от вируса, они умирают и от косвенных его последствий – безработицы, преступности, самоубийств, других, кроме как связанных с вирусом, болезней. И это – один из самых больших рисков, с которыми нам приходится сталкиваться. Очень важно учитывать его.

– Еще одно последствие эпидемии коронавируса – множество ограничений личной свободы, которые правительства разных стран вводили из-за рисков, связанных со здоровьем как отдельного человека, так и общества в целом.

Священность жизни – это абсолют: якобы если мы следуем ему, то можно избежать смерти

– Регрессия либеральной демократии вызывает у меня беспокойство, потому что показывает, как быстро и насколько глубоко происходит вмешательство в наши гражданские свободы, то, как быстро происходит ограничение нашей свободы. И все это во имя здоровья, во имя системы здравоохранения. Это уже превратилось в секуляризованную религию, чуть ли не самую нашу большую ценность. Получается, что во имя этой религии можно сделать многое из того, что принято делать в обстоятельствах абсолютно катастрофических – например, в случае ядерной катастрофы или войны.

Еще одна важная вещь – соотношение между экономическими потерями, режимом строгой изоляции, введенным из-за пандемии, и медицинскими рисками. Это действительно деликатный вопрос. Мы видим такие страны, как, например, Словакия,

где эпидемия не имела такой силы, но ее экономические перспективы после минимизации связанных с кризисом экономических потерь – не такие уж хорошие. А вот Швеция, которая по уровню смертности от коронавируса находится в конце списка среди стран ЕС, занимает третье место по экономическим перспективам в ЕС. То есть результаты коронавируса по отношению к экономике разные.

Контроль на пограничном переходе в Молдавии после закрытия границы. 14 марта 2020 года

А то, что система здравоохранения превратилась в секуляризованную религию, имеющую единственную ценность – здоровье, не в последнюю очередь связано с античными, иудеохристианскими представлениями о священности жизни. Священность жизни – это абсолют: якобы если мы следуем ему, то можно избежать смерти. Каждый, кто не воспринимает это как приоритет, является агрессором, покушающимся на наше здоровье. Мне кажется, здесь можно говорить о столкновении, конфликте ценностей – языческих и христианских. О том, как мы оправдываем определенные действия. Я думаю, шагом вперед было бы просчитать потери, не связанные со здоровьем и с потерянными непосредственно из-за коронавируса жизнями. То есть потери, связанные с тем, какие меры мы принимаем, чтобы сдерживать вирус. Только тогда у нас будет намного более сбалансированная и комплексная оценка, намного более справедливая. Ведь вирус затронул разные возрастные группы. Если мы сосредотачиваемся на здоровье, нас оно волнует намного больше, когда мы концентрируемся на второстепенных потерях – людях, потерявших доход, работу, навыки, недвижимость, тех, кто оказался в бедности, опуститься из-за приема алкоголя или наркотиков (их потребление значительно увеличилось во время кризиса, связанного с коронавирусом), тех, кто совершил самоубийство, выпал из общественной жизни. Все эти вещи не так легко подсчитать в категориях "жизнь" и "смерть", но все же это возможно, потому что это дает нам баланс, приближающий нас к честности по отношению ко всем

поколениям. Мне кажется, что рамки, определенные вирусом, – что он больше угрожает людям старшего возраста, а значит, все общество должно принести жертву ради защиты этой группы – очень опасны. Это сейчас табу, но может привести к враждебному эйджизму и отравленным межпоколенческим отношениям на годы вперед. Потому что никогда в истории человечества не было такого, чтобы возрастные рамки играли такую большую роль. До этого все эпидемии – ВИЧ/СПИДа, "испанки", свиного гриппа – чаще настигали молодых людей. Среди них были более высокие показатели смертности, а люди старшего возраста демонстрировали больше иммунного ответа на эти вирусы. При этом никто до этого никогда не называл эти болезни как "грипп молодых людей". Сейчас есть словосочетание "чума стариков", и это очень опасно, потому что коронавирус разделяет общество намного сильнее, чем вирусы до него. Это еще одна цена, которую придется заплатить и молодым, и пожилым.

– Еще одна область критики, связанная с коронавирусом, – скорость реакции на события. Некоторые страны реагировали быстро, некоторые медленно. Но можем ли мы надеяться, что в будущем, если случится, например, вторая волна коронавируса или подобные эпидемии, – такого не повторится?

Мы могли бы вообще обойтись без режима строгой изоляции

– Я очень надеюсь на это. Вообще потенциал для того, чтобы сделать выводы из наших ошибок, я оцениваю как высокий. На самом деле мы были плохо подготовлены к пандемии – хуже, чем это было сделано в Азии. Но этот регион в 2002–2004 годах пережил кризис, когда случилась [первая подобная эпидемия](#) – SARS. Ее чудом удалось подавить летом 2003 года. Азиатские страны с этого времени готовились к возможному повторению подобной ситуации. Европа не была настолько готова. Когда Китай в последние дни 2019 года заявил о новом вирусе во Всемирную организацию здравоохранения, правительствам отдельных европейских стран понадобилось на подготовительные мероприятия 8–10 недель. Возможно, если бы эту подготовку удалось сделать быстрее, мы могли бы вообще обойтись без режима строгой изоляции. Тайвань, к примеру, успел раньше времени и добился успеха: в первый же день, когда появилась информация о вирусе, 31 декабря 2019 года, в Тайване ввели 24 превентивные меры, и это позволило контролировать распространение вируса без введения режима изоляции (*с начала эпидемии в Тайване регистрируют всего 455 случаев заражения. – Прим. РС*). И другие азиатские страны поступили так же. В ноябре прошлого года я посещал Сеульский национальный университет и наблюдал, как это происходит: это позволило им быть успешными (*в Южной Корее с начала эпидемии регистрируют 13 745 случаев заражения. Приблизительно столько же случаев регистрируют в Чехии, однако население этой страны в пять раз меньше, чем население Южной Кореи. – Прим. РС*). По сравнению с этими странами происходящее в Европе и Америке – это фиаско. Это некомпетентность. Сначала мы спали, потом отрицали, затем подверглись шоку. Мы вступили в эпоху пандемии с паникой, наша стратегия была несильно успешной. Конечно, некоторые страны реагировали быстро и решительно, без колебаний, некоторые делали шаг вперед, а потом отступали: например, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Соединенные Штаты, Швейцария, Швеция. Некоторые страны не были уверены, реагировать ли сразу или сначала посмотреть, что происходит, некоторые решили вообще не делать стратегического выбора, а часть вообще опоздали со своевременным введением необходимых мер, потому что вирус ударил за несколько месяцев до того, как был опознан. Что происходило в Италии – это трагедия. Пример Италии – это амальгама большой неудачи и несчастного управления. Хотя менеджмент и других европейских стран не

был на высоте (реагировали намного позднее и мягче), но им просто повезло, что вирус их не постиг в такой мере, как Италию. Иными словами, мы видим, что ситуация в отдельных странах Европы была разной.

Отпевание умерших от коронавируса в Италии

– Несмотря на вот эту безрадостную картину, которую вы рисуете, вы говорили, что действия наднациональных органов Европейского союза в общем нельзя назвать проигрышными. Как раз эти действия крайне [негативно оценивали](#) российские пропагандистские СМИ, в том числе и их сателлиты в странах ЕС.

– Европейский союз, конечно, начал с ужасных ошибок. Некоординированные действия, закрытие границ, и совершенно позорный запрет на экспорт средств защиты. И это нам не стоит отрицать. Но одновременно в отношении ЕС есть распространенное клише, очень популярное предубеждение, и даже некоторые эксперты утверждают, что можно говорить о тотальном разочаровании. Я так не думаю. Я считаю, что это даже не половина правды. Нам не стоит забывать, что на континентальном уровне ответ на кризис коронавируса был просто невозможен. Потому что в статье 6 Договора о Европейском союзе говорится, что ЕС играет лишь ассистирующую роль в вопросах системы общественного здравоохранения и что нужно полностью полагаться на мудрость отдельных стран – членов Евросоюза. Иными словами, здесь недостаточно юрисдикции и Европейская комиссия не могла сделать больше того, что она сделала. Но даже несмотря на эту стартовую позицию, Комиссия по факту действовала и вела себя намного лучше, чем если бы она соответствовала той репутации, которая у нее есть. Я приведу несколько примеров. В середине января, когда даже Институт Роберта Коха и другие крайне уважаемые институции не предполагали, по какой кривой будет развиваться эпидемия, Евросоюз начал изучать это. Затем был введен в действие механизм гражданской защиты, направленный на возвращение граждан ЕС домой. Это

произошло за несколько недель до того, как отдельные страны – члены ЕС начали забирать на самолетах своих граждан из-за границы. Далее, Комиссия разработала рекомендации для лабораторных тестов и предупредила о переносе вируса с человека на человека даже ранее, чем это сделала ВОЗ. И далее начались действия с обеспечением средств защиты – аппаратов искусственного дыхания, реанимационных систем и т.д. – всего, чего тогда не хватало, – в то время когда отдельные страны – члены ЕС отказались делать это сообща. После этого Европейская комиссия обеспечила импорт миллиардов разнообразных респираторов и медицинских масок, защитных костюмов, термометров, вентиляторов легких и т.д. из Китая. Иными словами, если мы честно посмотрим на то, что произошло, есть вещи, которые мы критикуем, как, например, закрытие границ, но в то же время во многих других областях Европейская комиссия действовала даже лучше, чем некоторые отдельные страны ЕС.

– В связи с коронавирусом о многом говорится в негативном ключе. Однако можем ли мы вынести из пережитого что-то позитивное?

– Если мы поставим себе задачу задаться этим вопросом, мы увидим и позитивное. Я называю это "сопутствующие преимущества". И их много. Временные и постоянные, в долгосрочной перспективе и краткосрочной. Некоторые из них я уже упоминал: в области цифровизации, экономической активности – из-за изменившихся обстоятельств. В общем я настроен довольно оптимистически – потенциал для выводов довольно значительный. Мы извлечем из этого кризиса больше уроков, чем из других периодов. Он дает нам много возможностей, а не только ущерб, который он нам нанес.